

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-61-68

УДК 904 (477.75)

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ КИТЕЯ

Молев Е. А.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru*

Оборонительная система боспорского города Китея исследовалась практически на протяжении всех полевых сезонов, начиная с 1972 и по 2012 г. Исследованные объекты были опубликованы, что позволило автору сделать вывод о роли Китея, как города-крепости. В полевых сезонах 2016–2017 гг. в центральной приморской части городища, на восточном участке раскопа I был открыт еще один небольшой участок крепостной стены и башни позднеантичного времени. Особенность его в том, что он возведен не на известных уже внешних границах города, а внутри его и защищает только небольшой приморский участок. Время строительства башни и стены определяется находкой под фундаментом северной стены башни (кладки 106) статера Радамсада 614 г. б.э. (317–318 гг. н.э.). Это первая линия укреплений городища, построенная в столь позднее время в Китее.

Ключевые слова: Боспор, Китей, стены, башни, укрепления, городище.

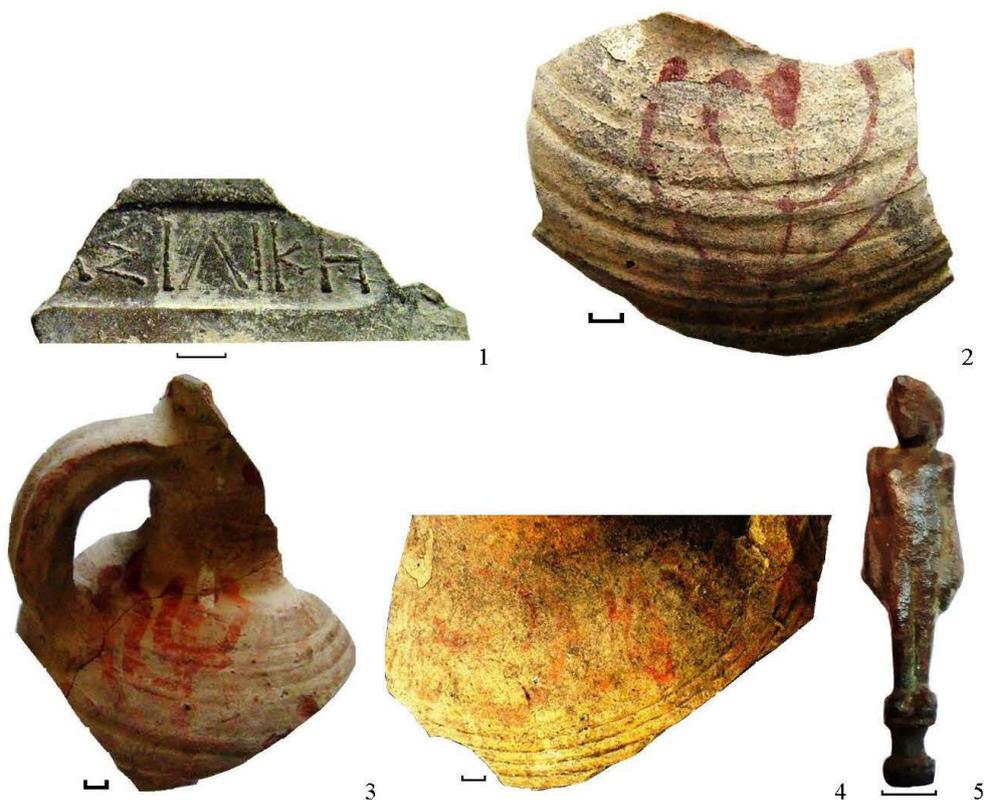
Оборонительная система боспорского города Китея исследовалась практически на протяжении всех полевых сезонов, начиная с 1972 и по 2012 г. Исследованные объекты были опубликованы [1, с. 297–312; 2, с. 193–199], что позволило нам сделать вывод о роли Китея, особенно в первые века н.э., как города-крепости. Однако, в полевых сезонах 2016–2017 гг. в центральной приморской части городища, на восточном участке раскопа I был открыт еще один небольшой участок крепостной стены и башни позднеантичного времени (Рис. 1–4). Особенность его в том, что он возведен не на известных уже внешних границах города, а внутри его и защищает только небольшой приморский участок, значительная часть которого, к тому же, на сегодня разрушена эрозией береговой черты городища. Время строительства башни и стены определяется находкой под фундаментом северной стены башни (кладки 106) статера Радамсада 614 г. б.э. (317–318 гг. н.э.; инв. № НВФарх.-17562¹). Это дает основание предполагать, что башня и стена были построены в самом начале IV в. н.э. В ходе строительства этой линии укреплений были частично сnivelированы более ранние слои городища, следствием чего стало появление в слое времени строительства стены и башни находок более раннего времени.

Основная стена (кладка 102) расположена по диагонали от северо-западного угла раскопа до юго-восточного. С севера к ней примыкают кладки 103, 106 башни «К» и очаг 104. Кладка сложена из двух панцирей более крупных камней и забутовки между ними средним и мелким бутом (Рис. 1, 3, 4). Толщина её сохранившейся части 1,5 м, длина – 13,3 м. Учитывая разрушение южного панциря,

---

¹ Все находки хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике.

толщина стены могла быть и больше. Максимальная высота открытой части северного панциря – 1,72 м. Камни северного (внешнего) панциря слегка подтесаны с наружной стороны, а в западной и центральной ее части есть и несколько хорошо обработанных прямоугольных блоков. Южный панцирь, за исключением небольшого участка в квадрате 34, разрушен и стоит на трещине. Никаких следов пристроек к стене с южной стороны не выявлено.

В центральной части северного панциря стены 102 есть небольшой уступ внутрь, который, вероятно, был сделан специально для сооружения в этом месте очага 104 (Рис. 5). Во всяком случае, на плитах нижнего ряда здесь следы огня, что позволяет считать этот уступ южной стеной очага.

Башня «К» образована кладками 103, 105 и 106. Все кладки по типу наиболее близки трехслойным однорядным, постелистым, кладкам по классификации С. Д. Крыжицкого [3, с. 24. Рис. 5. Тип 14], датирующимися автором первыми веками н.э. Для строительства стены и башни прежние сооружения на этой территории были разобраны и на их месте вырыт котлован до уровня зеленовато-серой предматериковой глины, на которой и лежат фундаменты всех кладок башни.

Кладка 103, являющаяся восточной стеной башни «К», сильно разрушена, сохранились только камни ее основания. Сложена она была из двух рядов подтесанных с наружной стороны плит и забутовки между ними из бута и глинистого грунта (Рис. 3–4). Камни кладки очень разные по размерам и в средней ее части плохо подогнаны, что, возможно, связано с ее разрушением еще в древности. Средний размер камней кладки 0,5 х 0,3 х 0,2 м. Толщина её сохранившейся части 0,94-1 м, длина – 3,5 м. Высота открытой части – 0,6-0,9 м. Уровень основания от реперной точки – 25.64¹. Кладка 103, соединяется со стеной 102 впритык, что свидетельствует о том, что первоначально в этом районе была построена стена, а уже потом к ней была пристроена башня.

Кладка 105 – западная стена башни с дверным проемом между ней и кладкой 102 (Рис. 3–4) сложена из частично обработанных плит разных размеров в два ряда и забутовки между ними из мелкого камня и глинистого грунта. Наружная сторона камней кладки подтесана. Камни довольно плотно подогнаны друг к другу. Средние размеры камней 0,7 х 0,45 х 0,3 м. Толщина кладки 0,7 м, длина (с дверным проемом) – 3,3 м. Максимальная высота сохранившейся части – 1 м. В южной части кладки у стены 102 дверной проем. По-видимому, здесь могла находиться вылазочная калитка из башни. Размеры ее – 1,1 х 0,68 м. Высота сохранившейся части – 0,5 м. Уровень основания – 25.59.

Кладка 106, являющаяся северной стеной башни «К», открыта частично. Северная ее и восточная части уходят в борта квадрата, поэтому внешние размеры башни пока неопределимы. Кладки 103 и 105 пристроены к кладке 106 впритык. По открытой части видно, что она была сложена из двух рядов крупных и средних камней и забутовки между ними из бута и глинистого грунта (Рис. 3–4). Средний размер камней кладки 0,5 х 0,3 х 0,2 м. Толщина ее 1 м, длина во внутренней части башни 4,4 м. Высота сохранившейся части 1 м. Уровень основания – 25.60.

Судя по тому, что западная и восточная стены башни присоединяются к стене 102 впритык, первоначально в этом районе строилась стена, а потом к ней пристраивалась башня. Строительство новой линии укреплений внутри города, вероятнее всего, связано с вражескими нападениями, которым подвергся город во второй половине III в. н.э., о чем свидетельствуют следы разрушений и пожаров в западной части раскопа [4, с. 324; 5, с. 113]. В результате этих набегов часть территории города была заброшена и население сконцентрировалось в его приморской части.

В юго-восточном углу башни между кладками 102 и 103 находился очаг 104, сложенный из блоков обожженной глины (печины) (Рис. 5). Самый большой и единственный ее блок сохранившийся полностью примыкает к стене 103. Его размеры 82 х 70 х 15 см. Западнее и севернее сохранились только полуразвалившиеся остатки стен очага. Грунт в заполнении очага – золистый темно серый суглинок с включениями кусков печины. Уровень пода очага несколько выше уровня фундамента стены 102, но соответствует уровню основания восточной стены

¹ Все замеры даны по балтийской системе координат. Реперной отметкой является самая высокая точка на вершине зольного холма в центре городища (Рис. 1).

башни «К». Очаг, несомненно, предназначался для приготовления пищи и отопления башни в зимнее время.

Рядом с очагом и впритык к западному фасу стены 103 был найден алтарь (Инв. № КЛ-2736). Вероятнее всего, очаг был сооружен одновременно с башней. Что же касается алтаря, то он, судя по аналогиям [6, с. 146. Рис. 54/3; 7, с. 109. Рис. 55б], может датироваться и более ранним временем, а здесь оказался как строительный материал в кладке 103.

В юго-западном углу башни «К» открыт небольшой каменный ящик закрытый крышкой – округлой каменной плитой диаметром 42 см (Рис. 6, 7). Ящик сложен из тонких плоских плиток и известковой обмазкой. Толщина плит 1,2 см. Размеры ящика – 30 x 25 x 20 см. Грунт в заполнении ящика светло-серый, рыхлый с зеленоватым оттенком, с включениями мелких костей. По определению А. К. Каспарова это 6 костей овцы и одна кость рыбы. Вероятнее всего – это была закладная жертва при строительстве стены и башни.

Культурный слой, в котором лежат открытые укрепления, представляет собой светло-серый суглинок обильно насыщенный крупными, средними и мелкими камнями по всей площади раскопа. Уровень основания слоя в северо-западном углу квадрата 33 – 26.31. Находок в нем, в целом, немного. Основная их масса сконцентрирована по всем квадратам в основании слоя. В квадратах 34-35 в верхних двух штыках находок не было совсем.

Всего в слое найдено 3883 целых и фрагментированных вещей. Толстостенная керамика слоя составляет всего 4% общего числа находок и представлена венчиком, фрагментом донца и 85 стенками боспорских пифосов, 59 фрагментами позднебоспорских соленов и 1 южнопонтийского, фрагментом круглого и двумя

фрагментами коньковых калиптеров, двумя венчиками боспорских лутериев и тремя фрагментами венчиков синопских лутериев. Один фрагмент боспорского калиптера с клеймом ΒΑΣΙΛΙΚΗ (Табл. I, 1), датируемым А. В. Ковальчук 265 г. до н.э. [9, с. 20]

Амфорный материал представлен 3027 фрагментами и традиционно составляет самую большую группу находок (77,9%). Среди профильных фрагментов более трети (35%) принадлежит амфорам III–V вв. н.э. Среди стенок амфор почти треть составляют фрагменты профилированных стенок амфор типа Зеест 986, датируемых IV в. н.э. [8, с. 175]. Особенно заметно их преобладание на квадрате 37 в башне «К». На нескольких из них сохранились дипинти: в виде двойной буквы пси (Табл. I, 2); фрагмент горла с ручкой и дипинти из букв пи, пси и еще одной сильно стертой буквы (Табл. I, 3); дипинти на плечиках амфоры с неясным изображением (Табл. I, 4).

Керамическая посуда в находках слоя представлена 533 находками, что составляет 13,7% находок слоя. Преобладают фрагменты красноглиняной кружальной посуды (51,9%). Большинство находок датируются II–V вв. н.э. Отметим, что все немногочисленные фрагменты парадной (чернолаковой и краснолаковой) посуды найдены в последнем штыке слоя и только к югу от стены 102. При отсутствии их в северной части раскопа это, в определенной мере, дает некоторое основание говорить о том, что жилые помещения города в то время находился к югу от этой стены и ее оборонительные функции были ориентированы на север. Из хорошо датированных находок посуды отметим фрагмент венчика краснолаковой миски типа поздний римский С (Табл. I, 6). Аналогичные находки неоднократно встречались в Китее [10, Кат. № 83–91]. Они датируются V в. н.э. [11, р. 337]

Третьими по численности находок являются остеологические материалы – 110 (2,8%). Преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, собак и свиней. Среди изделий из кости представлены овечьи астрагалы (10), используемые в качестве игральные кости и изделия, определяемые Б. Г. Петерсом [12, с. 162], как рашпили (4). Аналогичные изделия неоднократно встречались на разных раскопах городища Китея. В настоящее время они признаются некоторыми исследователями наковальнями для правки и разбивки лезвий зубчатых или гофрированных серпов [13, с. 382–388]. Но мне представляется определение Б. Г. Петерса более верным. Все остальные находки костяных изделий единичны.

Среди остальных находок наиболее значимыми являются целые или хорошо сохранившиеся вещи. Они поддаются более точной датировке, что, в свою очередь, позволяет более точно выделить особенности этапов истории города. Уникальной для Китея находкой является бронзовая миниатюрная статуэтка в виде полуобнаженной женской фигурки (Табл. 1,5), возможно являющаяся ручкой ключа. Точный аналогий ей не найдено.

Из других находок выделяются фрагмент и два целых светильника. Фрагмент (рожок и часть рельефного щитка) закрытого красноглиняного светильника по сохранившимся остаткам рельефа имеет достаточно многочисленные аналогии в находках на Боспоре (Табл. I, 7). О. Вальдгауэр датирует такие светильники III–IV вв. н.э. [14, с. 324. № 309], М. Л. Бернхард – II в. н.э. [15, с. 234. № 5].

Второй светильник слоя – гончарный, серо-глиняный с рожком выделенным круговой рельефной полоской (Табл. I, 8), относится к группе А типу 4 гончарных светильников по нашей классификации [16, с. 211]. Такой тип светильников существовал до IV в. н.э. [17, с. 15]. Аналогичный светильник без ручки уже был найден в Китее в слое II–I вв. до н.э. и, что любопытно, также как и этот над линией крепостной стены [16, с. 234. № 5].

Третий светильник – лепной, ладьевидный с ручкой в виде прилепа (Табл. II, 9) относится к группе Б типу 6 нашей классификации [16, с. 226]. Такие светильники в Китее появляются уже в слое IV–III вв. до н.э., но преобладают в слое I–II вв. н.э.

Единственная и не совсем понятная находка – нижняя часть миниатюрного лепного изделия на трех ножках (в центре – сквозное отверстие) (Табл. I, 10). Возможно это фрагмент светильника, аналогичного из находок в Тиритаке [18, с. 156. Табл. XXIV, 7]. Его дата – III–IV вв. н.э.

Но самая интересная находка слоя, к тому же впервые найденная в Китее – это свинцовая блесна в виде рыбки (Табл. I, 11). Она использовалась для индивидуального лова рыбы на удочку и свидетельствует, наряду с другими находками [19, с. 123–142], о существовании такого вида рыболовства в Китее.

Нумизматический материал слоя представлен статером Радамсада (309–310 гг.) и двумя статерами Фофорса (295/6 и 302 гг. н.э.). Все они найдены в верхнем слое каменного завала на линии кладки 102 и маркируют собой последний период ее существования.

Прочие находки слоя фрагментарны и, за исключением ножек стеклянных рюмкообразных сосудов светло-зеленого стекла, многократно находимых в Китее и датируемых IV–V вв. н.э. [20, с. 417. Табл. I, 4], и плохо датируются.

Датированный материал дает, как мы видели, очень широкие хронологические рамки: от III в. до н.э. до VI в. н.э. Однако абсолютно преобладают материалы III–V вв. н.э. Подводя итог работам на восточном участке раскопа I отметим, что здесь впервые прослежены работы по укреплению города в последний период его существования (III–VI вв. н.э.), свидетельствующие о разорении значительной части города врагами и сосредоточении населения в центральной приморской части города.

Список использованных источников и литературы

1. Молев Е.А. Система обороны Китея // Боспорские исследования. Т. 2. Керчь, 2002. – С. 297–312.
- Molev E.A. Sistema obrony Kiteya // Bosporskie issledovaniya. T. 2. Kerch', 2002. – S. 297–312.
2. Молев Е.А. Особенности оборонительной системы боспорского города Китея (по материалам раскопок 1971–2012 гг.) // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013, Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1, M.Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski, eds, Warszawa, 2017. – P. 193–199.
- Molev E. A. Osobennosti obronitel'noj sistemy bosporskogo goroda Kiteya (po materialam raskopok 1971–2012 gg.) // Krym i Severnoe Prichernomor'e v arheologicheskikh issledovaniyah 1956–2013 gg. / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013, Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1, M.Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski, eds, Warszawa, 2017. – P. 193–199.
3. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка, 1982. – 168 с.
- Kryzhickij S. D. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Naukova Dumka, 1982. – 168 s.
4. Молев Е. А. Новая башня в системе укреплений Китея // XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012. – С. 324–327.
- Molev E. A. Novaya bashnya v sisteme ukrepleniy Kiteya // XIII Bosporskiye chteniya. Kerch. 2012. – S. 324–327.
5. Молев Е. А., Марков К. В., Матукина А. Н. Юго-западный участок обороны Китея // Культурный слой. Вып. 1. Н. Новгород, 2012. – С. 110–116.
- Molev E. A. Markov K.V. Matukina A. N. Yugo-zapadnyy uchastok obrony Kiteya // Kulturnyy sloj. Vyp. 1. N. Novgorod. 2012. – S. 110–116.
6. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. – 152 с.
- Vinokurov N. I. Arkheologicheskiye pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazovye. M., 1998. – 152 s.
7. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: изд. Гриф и К., 2007. – 562 с.
- Maslennikov A. A. Selskiye svyatilishcha Evropeyskogo Bospora. M.; Tula: izd. Grif i K.. 2007. – 562 s.
8. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 1961. – 180 с.
- Zeyest I.B. Keramicheskaya tara Bospora // MIA. № 83. 1961. – 180 s.
9. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм) // Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Kovalchuk A. V. Keramicheskiye stroitelnyye materialy Bospora v epokhu ellinizma (tipologiya i khronologiya bosporskikh cherepichnykh kleym) // Dis. ... kand. ist. nauk. M.. 2007.
10. Молев Е. А., Молева Н. В. Боспорский город Китей. Ч. II. Керчь, 2016. – 452 с.
- Molev E. A., Moleva N. V. Bosporskiy gorod Kitey. Ch. II. Kerch, 2016. – 452 s.
11. Hayes J. W. Late Roman pottery. L., 1972. – 500 p.
12. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. – 142 с.
- Peters B. G. Kostoreznoye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya. M.: Nauka. 1986. – 142 s.
13. Антипина Е. Е. По следам костяных «рашпилей» из античных памятников Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. – С. 382–388.
- Antipina E. E. Po sledam kostyanykh «rashpiley» iz antichnykh pamyatnikov Severnogo Prichernomorya // Prichernomorye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya. Rostov-na-Donu. 2013. – S. 382–388.
14. Waldhauer O. Die Antiken Tonlampen. St.-Petersburg, 1914.

15. Bernhard M. L. Lampki starozytne. Warszawa: Sztuka, 1955.
16. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010. – 316 с.
Molev E. A. Bosporskiy gorod Kitey. Simferopol; Kerch. 2010. – 316 с.
17. Арсеньева Т. М. Светильники Танаиса. М.: Наука, 1988. – 142 с.
18. Арсеньева Т. М. Светильники Танаиса. М.: Наука, 1988. – 142 с.
18. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Боспора. Л.: Наука, 1981. – 177 с.
Kastanayan E. G. Lepnaya keramika Bospora. L.: Nauka. 1981. – 177 s.
19. Молев Е. А. О рыболовстве в Китее // Боспорские исследования. Т. XXV. Симферополь; Керчь, 2011. – С. 123–142.
Molev E. A. O rybolovstve v Kiteye // Bosporskiye issledovaniya. T. XXV. Simferopol; Kerch, 2011. – S. 123-142
20. Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Т. V. – С. 405-421.
Molev E.A. Fragmenty steklyannykh sosudov iz raskopok Kiteya // Bosporskiye issledovaniya. Simferopol; Kerch, 2004. T. V. – S. 405-421.

Molev E. A. Late antique fortifications of Kyta.

The defensive system of the Bosporan city of Kyta was studied practically throughout all field seasons, from 1972 to 2012. The investigated objects were published, which allowed the author to draw a conclusion about the role of Kyta as a fortified city. In the field seasons 2016–2017. in the central coastal part of the settlement, in the eastern section of excavation I, another small section of the fortress wall and tower of the late antique period was discovered. Its peculiarity is that it was erected not on the already known external borders of the city, but inside it and protects only a small seaside area. The time of the construction of the tower and the wall is determined by the find under the foundation of the northern wall of the tower (masonry 106) of the stater Radamsad 614 g. b.e. (317–318 AD). This is the first line of fortifications built at such a late time in Kyta.

Keywords: Bosphorus, Kyta, walls, towers, fortifications, ancient settlement.